

Большие поэты

Литературный десант
«Книжеская неделя».
Ульяновские писатели провожают
Н. Старшинова (третий слева)
и Ю. Ложица (в центре,
рядом с Н. Благовым).
Октябрь 1978 г.

Великой Эпохе

Григорий Медведевский

*Отгремела война,
Отдалённой историей стала,
А никак не отпустит
Тревожную память бойца.
От фугасов и мин
Мы очистили наши кварталы,
Но какой же сапёр
Разминует наши сердца!..*

Эти строки написал Виктор Иванович Кочетков. В числе тех, кто перенёс невыносимые тяготы Великой Отечественной, выжил и пронзительно воплотил эти испытания и переживания, он занимает вполне достойное место. Так же как известный его собрат по войне, поэзии и дальнейшей жизни Николай Константинович Старшинов...

Так вот, с середины 1970-х и в 1980-е годы они, обычно вместе, приезжали в Ульяновск, в гости к своему младшему другу Николаю Благову.

Первым из жизни после долгой болезни ушёл Николай Благов, потом Николай Старшинов, и около десяти лет назад – Виктор Кочетков...

Конечно, поэты по-своему воспринимают окружающие события, в том числе и какие-то высказывания государственных лидеров. Помню, я как-то был у Благова в тогдашнем писательском домике, и как раз в это время ему звонил из Москвы Виктор Иванович Кочетков. А Николай Николаевич, комментируя недавнюю речь Л.И. Брежнева (насколько помню, уже дряхлого), сказал Кочеткову:

– Как здорово, что он привёл твои строки!..

И лишь потом я нашёл в докладе генсека фразу, примерно такую: «Мы можем теперь смотреть на мир не через прорезь прицела...» и вспомнил эти афористичные кочетковские строки:

*Шёл смертный бой.
Земля в огне кипела.
Был сужен мир
До прорези прицела.
Но мы, полны решимости и веры,
Ему вернули прежние размеры...*

Хотя, конечно, лидер страны, точнее те, кто ему готовил доклад, едва ли знали, кому принадлежал, возможно, уже не раз использованный поэтический образ...

В. Кочетков

У Виктора Кочеткова, повторю, очень тяжкая военная судьба. В 1942 году девятнадцатилетний боец Кочетков тяжело раненным попал под Харьковом в плен. Немного оклемавшись, решил бежать, и это ему удалось. Шёл на гул орудий, к фронту и всё-таки добрался до своих. Потом воевал, был комсоргом батальона. Дважды в составе разведгруппы переплывал

Дон. В конце войны стал командиром маршевой роты. Несколько раз был ранен. Пережил трудные времена, когда «особисты» вспомнили его недолгий плен. Были тщательные и унижительные проверки, но солдат Кочетков отстоял свою честь. Поэт принадлежал к тому поколению фронтовиков, рождения 1923 года, из которого, по официальной статистике, после войны осталось только три процента.

*...Всё пришлось испытать на войне:
Счастье боя и тяготы плена.
Как по беглой мишени, по мне
Конвоиры стреляли с колена.*

*Как зверёныш в таёжном долу,
С листьев слизывал капли росы я;
Сквозь ночей непроглядную мглу
Продирался к тебе я, Россия...*

Книгу с этими и другими своими стихами Виктор Иванович подарил мне с тёплой уважительной надписью летом 1986-го, когда мы сидели рядом в Языковском парке, отмечая очередной пушкинский праздник – тогда москвичи приезжали к нам неизменно...

А сам Кочетков занимал в те месяцы высокий административный да и литературный пост – он был секретарём парткома московской писательской организации. Мне довелось по делам очередной своей книжки бывать у него в обшито дубовыми панелями кабинете ЦДЛ. Сегодня, наверное, уже можно вспомнить, что на одном из широких столов я узрел несколько высоких стопок из картонных в большинстве своём папок. На мой наивный вопрос об их содержании Виктор Иванович, сдержанно усмехнувшись, пояснил: «А это писатели пишут друг на друга...». И, заметив моё недоумение, добавил: «Писатели же...»

Да, все последующие годы он неизменно возвращался в своих стихах к войне, так сильно опалившей его раннюю юность:

*Уходили в тылы
нашей памяти толпы
Непригодных для фронта
речений и слов.*

*Только слово-солдат
получало повестку,
Как стрелковый окоп,
обживало строку.
Голос музы звучал
повелительно веско –
Ведь писатель приравнен был
к политуруку...*

Н. Старшинов

В прошедшем декабре исполнилось бы 85 лет поэту-фронтовику Николаю Константиновичу Старшинову.

Он со школьной скамьи ушёл в армию. Там, на фронте, начал писать стихи. В 1943 году был тяжело ранен. После демобилизации вернулся в Москву, поступил в Литературный институт имени Горького. За долгую творческую жизнь выпустил более двадцати поэтических книг, кроме того, сборники рассказов, литературные мемуары...

Наверное, многие из тех, кто лично знал поэта и помнит его стихи, задавали себе вопрос: так всё-таки Старшинов или Старшинов? У меня, например, есть посвящённые ему стихи разных авторов, где обыгрывается и рифмуется его фамилия с разными ударениями. Ну, хотя бы два примера: у Владимира Гордейчева:

*Курс равняя по вершинам
вулканических пород,
«Николай...» плывёт
«Старшинов» –
коктебельский теплоход...*

Или строчки Риммы Казаковой – о первых встречах с мастером:

*«Пускай не толще волоса.
Но твой – и этим нов, –
Не пой с чужого голоса!» –
Сказал мне Старшинов...*

А это уже его стихи о Литве, родине его второй жены (первой была поэтесса Юлия Друнина):

*...Сказала за беседой:
«Ну, Коля Старшинов,
Садись за стол, отведай
Картофельных блинов!..»*

Мне посчастливилось встречаться с Николаем Константиновичем и в Ульяновске, и в Москве, где он многие годы руководил альманахом «Поэзия», выходящим в издательстве «Молодая гвардия». И как-то я набрался смелости и спросил: «Так всё-таки, Николай Константинович: Старшинов или Старшинов?». «Да как хочешь, так и произноси!» – был мне ответ...

Удивительно органично совместились в его поэзии особенности российской природы и проникновение в самую сущность человеческих переживаний, глубин поэтического творчества. Вот хотя бы строки, посвящённые его младшему другу, трагически ушедшему от нас:

*Рябина от ягод пунцова.
Подлесок ветрами продут.
На родине Коли Рубцова
дожди затяжные идут.
В такую ненастную пору
не шумной толпой, а вдвоём
пройти бы к сосновому бору
прекрасным и грустным жнивьям.
Следить – а куда торопиться? –
отчаянный гон облаков.
Земле поклониться, напиться
из тихих её родников...*

Не могу не упомянуть и о другом увлечении Старшинова – собирательстве и пропаганде зазорных маленьких шедевров – русских частушек, часто с ненормативными оборотами и словечками, за что ему немало доставалось от ревнителей языка. Но вот что он сказал в интервью незадолго до своей кончины: «Я получил около восьмисот писем, и почти во всех одна мысль: «Ваши частушки помогают нам выжить в это трудное смутное время».

Последний раз довелось его увидеть осенью 91-го. Приехав по делам в столицу, я прямо с поезда направился в «Молодую гвардию» – не терпелось узнать, скоро ли выйдет сборник поэтов-пародистов с моим изрядным участием. Увы, пройти на третий этаж огромного здания оказалось уже не так просто, как раньше. Называю фамилии известных редакторов – таких не знают. Кое-как добыл пропуск и тоскливо сидел в безлюдном с утра коридоре. Кто-то сообщил мне, что сборник рассыпался, не увидев света, и вообще теперь тут другие порядки. И вот, ближе к 12-ти, поднялся на этаж Старшинов – хромая, с палочкой (в очередной раз из больницы, где лечил фронтовые раны). Ворчал: едва пустила охрана – это его-то, да и кто он для этих людей?..

Ульяновские литераторы моего поколения, конечно же, хранят память об этих истинных российских поэтах, людях редкостной душевной чистоты, переживших страшные тяготы великой войны и рассказавших о ней в строках, которые переживут столетия...